

сходства и различия философии и художественной литературы. Для философии такого рода анализ необходим, ибо приближает к пониманию ее природы и сущности. Одним из аспектов этой проблемы является вопрос о природе философского творчества, о роли личности в развитии философии. В контексте сравнительного анализа философии и литературы этот вопрос может получить интересное освещение.

Все виды литературы хороши, кроме скучной – прописная истина. А мировоззрение? – спрашивает Шестов. Вправе ли мы опровергнуть философскую систему, потому что она скучна? Философ ставит вопросы так, что при всей их очевидной направленности, выводы никак не получаются однозначными. Л. Шестов видел задачу философии в том, чтобы «вырваться от жизни при жизни», а философ называл свидетелем, который свидетельствует о том, чего проверить нельзя.

В России всегда было популярно представление о том, что философское познание невозможно отделить от совокупности духовного опыта человека. Обращение к литературе, к искусству свидетельствует о том, что строгие рамки философского текста не могут вместить в себя многообразие мира. Одна из определяющих тенденций современной философии – ее вторжение в область поэтического языка. Эта тенденция проявляется, в частности, в оформлении модели «поэтического мышления». Согласно этой модели, всякое мышление, в том числе, философское, неизбежно поэтично. Метафоричность, следовательно, поэтичность является сущностной характеристикой философского языка. Опора на художественный метод мышления выступает как доминанта философствования. Связь между философией и поэтическим творчеством становится столь тесной, что провоцирует вопрос: не является ли философия литературой?

Ответить на этот вопрос может только сама философия, ибо она вырабатывает средства рефлексивного отношения ко всем явлениям культуры, в том числе к себе самой.

Духовное наследие Льва Шестова, оригинального мыслителя неакадемического типа, – богатейший материал, позволяющий – при тщательном анализе – выделить конкретные формы, в которых проявляется взаимодействие философии и литературы в культуре, сравнить философию и литературу как формы духовной деятельности, приблизиться к пониманию природы философского творчества и роли личности в развитии философии.

УДК 130.2

СПОСОБЫ ТЕМАТИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РУССКОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЯХ*

*И.М. Наливайко
Минск, Белоруссия*

Несомненный интерес современной философии к проблематике повседневного бытия тесно связан с кризисом европейского типа субъективности и попыткой переосмысления его оснований. Выстроенные традиционной культурой оп-

позиции утрачивают свой смысл и на авансцену философской мысли выходят темы, ранее носившие маргинальный характер. Это в полной мере относится к проблеме повседневности. Имплицитной целью переосмысления феномена быденного существования в постклассических исследованиях является теоретическое конституирование новой субъективности через обращенность к сфере повседневности.

В этом плане актуальным представляется рассмотрение феномена повседневности в диалоге различных культурных и философских традиций, что позволяет выявить оттенки и нюансы этой проблематики. Сопоставление историко-культурного и историко-философского контекста западноевропейской и русской философских традиций особенно плодотворно, так как при наличии единых культурных корней, они отличаются ярко выраженной спецификой, представляя собой своего рода «несходство сходного», что позволяет нам рассмотреть как онтологический, так и культурологический срезы проблемы повседневности.

Интерпретация проблемы повседневности в контексте философского знания сущностно взаимосвязана с определенным характером властных отношений, предопределяющим, в свою очередь, тип субъективности, понимаемой как идеальная модель субъекта, его бытийный предел, и способ субъективации – становления субъекта, доминирующие в рамках конкретных социо-культурных общностей. Обращаясь к истокам западной культуры, мы можем констатировать, что впервые возникающий в рамках древнегреческой демократии имманентный характер власти, состязательные отношения между гражданами греческого полиса «задают» субъективность через культивирование власти внутри себя, опыт самоуправления. Западная субъективность изначально складывалась как результат осуществления власти и как форма, граница, она держится дифференциацией и дистанцией. В силу этого повседневность, мир частной жизни в рамках западной мировоззренческой модели понимались как неподлинный модус человеческого бытия, поскольку в них размывается определенность форм, рассеивается человеческая самость как «точка сопротивления». Повседневность трактуется классической философской традицией как анонимный модус социальности.

Внимание западной философии XX века к теме повседневного бытия обусловлено кризисом субъективности в рамках официальных, публичных культурных форм, что определяет попытки всмотреться в сферу повседневности в поисках возможных оснований новой субъективности. Эти попытки необходимо связаны с проблематизацией власти и знания как «инобытия» властной стихии. Переосмысляя знание как основание субъективности, пытаюсь по-новому реинтегрировать его в культурное целое, постклассическая философия редуцирует его к изначальным компонентам – визуальной и вербальной. В силу этого, современные версии повседневности в большинстве своём делают предметом своего рассмотрения либо явленный нам мир вещей, либо мир языка, либо и тот, и другой в их неизбежной соотнесенности (самым ярким здесь можно считать учение М. Хайдеггера, который рассматривает повседневность как необходимую онтологическую основу человеческого бытия). Однако при всей широте спектра современных западных исследований, связанных с феноменом повседневности, все они отождествляют последнюю с процессами стереотипизации и усредненности, трактуют её как анонимно-усредненный модус социальности, вне зависимости от того, положительно или отрицательно они оценивают эти процессы.

Самая яркая версия данной темы в пространстве русской культуры – философия повседневности В.В. Розанова во многом предопределена некоторыми

основополагающими установками русской ментальности, проистекающими из специфики русской культуры, реализовавшей трансцендентный характер власти. Поэтому рожденный этой культурой тип субъективности задан не властвованием над собой, не опытом самоуправления, а обживанием пространства, местом в бытии. Описывающий идею социального единства принцип соборности, сакрализирующий феномен места, является наглядным подтверждением этого тезиса. В силу этого, в отличие от западных моделей, В.В. Розанов осуществляет реконструкцию повседневности, мира частной жизни, дома как позитивного фактора и необходимого условия человеческого бытия. Постулируя сакральный и смыслообразующий характер повседневного бытия, утверждая, что вечное живет в повседневном, дано человеку «здесь и сейчас», русский философ проводит религиозно-онтологический поворот от мира «литературности» и «публичности» как сферы формирования человеческой самости к интимно-сакральному пространству дома. Именно в этом пространстве, по мнению В.В. Розанова, рождается новая субъективность, заданная диалогом с Другим, понятым как сочувственная открытость самобытному существованию мира вещей, как сострадающая встреча с иной индивидуальностью, как опыт внедискурсивного общения с высшей онтологической реальностью. Реконструируемая в философии Розанова повседневность призвана служить имманентным смысловым центром человеческого бытия, что находит свое выражение в специфическом модусе языка («рукописности души»), который утрачивает связь с формулирующими властными механизмами и разворачивается как естественная спонтанность речи, преодолевающая вменяющий характер классического дискурса. Это новое единство текста предопределяется не готовой формой субъективности, а неповторимостью жизненных ритмов, особым типом субъективности, которая вырастает в пространстве дома, мире повседневного бытия.

Эта новая субъективность лишена главной определяющей черты новоевропейского субъекта – воли к реализации, не связана формой и нормой, границей и дистанцией, не исчерпывается сознательно-деятельностными характеристиками. В философии Розанова воля перемещается с уровня сознательной активности на уровень глубинно-телесный, и потому субъективность предполагает опыт телесности как необходимую основу, которая создает моё «Я» в опыте боли, страдания, дыхания. Русский мыслитель предполагает возможность обретения в пространстве повседневного новой становящейся субъективности, не скованной властными интенциями, естественно-вариативной, включенной в равноправный диалог с миром сущего.

УДК 130.2

ПЕРЕВОД КАК ФЕНОМЕН ДИАЛОГА КУЛЬТУР*

А.Т. Кулсариева
Алматы, Казахстан

Перевод представляет собой многогранный объект изучения. Вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения – философской, культурологической, литературоведческой, языковедческой, психологической и т.д. Философию перевода как максимально возможный уровень общих представ-